

ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ХАРАКТЕРИСТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Комадорова И.В., Кузнецова Е.В.

*Набережночелнинский филиал НОУ ВПО «Университет управления ТИСБИ»,
Набережные Челны, e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru*

В различное время учеными выдвигались различные точки зрения относительно функций языка. Но характерным остается если и не полное игнорирование, то недооценка коммуникативной функции языка. Язык рассматривался с точки зрения говорящего, как бы одного говорящего без необходимого отношения к другим участникам речевого общения. Между тем, именно коммуникативная функция языка наиболее важна для успешной реализации диалога в современном социокультурном пространстве. Понятие языковой личности включает в себя достаточно широкие характеристики, определяющие степень эффективности коммуникационного процесса и позволяющие наиболее полно реализовать коммуникативную функцию языка. При этом авторы статьи выделяют такие существенные характеристики языковой личности, как этнокультурные, гендерные, возрастные, социальные. Авторы приходят к выводу, что язык является средством связи между другими знаковыми системами и посредником между человеком и культурной реальностью, создаваемой им же самим.

Ключевые слова: коммуникативная функция языка, языковая личность, знаковая система, культурная реальность

THE NOTION OF LANGUAGE PERSONALITY IN CULTURAL COMMUNICATIVE SPACE. IDENTITY'S CHARACTERISTICS

Komadorova I.V., Kuznetsova E.V.

*Naberezhnye Chelny Branch of University of Management «TISBI», Naberezhnye Chelny,
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru*

In various times scientists have different views on the functions of language. But often they partly or fully ignore the communicative function. The language is considered from the point of view of the speaker, how would one be talking without the necessary relationship to the other voice communication. Meanwhile, the communicative function of the language is the most important for the success of a dialogue in today's socio-cultural space. The notion of linguistic identity includes quite broad characteristics which determine the effectiveness of the communication process and let fully realize the communicative function of language. The authors of the article write about such essential characteristics of language personality as ethno-cultural, gender, age, social. The authors conclude that the language is a means of communication between other sign systems and connects the human and cultural reality, created by him.

Keywords: the communicative function of the language, linguistic personality, sign system, cultural reality

Все мысли, как известно, выражаются при помощи языка. Язык – это объективная и вместе с тем субъективная реальность человеческого бытия, это связь и неразделимость личности и мира. Только в языковых актах личность может самовыразиться или самоидентифицироваться. Самоидентификация – это всегда результат коммуникативного взаимодействия. Идеалистическая лингвистика XIX века, начиная с В. Гумбольдта, не отрицая коммуникативной функции языка, старалась отодвинуть ее на задний план как нечто побочное; на первый план выдвигалась функция независимого от общения становления мысли. Такова знаменитая гумбольдтовская формула: «Вовсе не касаясь нужды сообщения между людьми, язык был бы необходимым условием мышления для человека даже при всегдашнем его одиночестве». Другие выдвигали на первый план так называемую экспрессивную функцию. При всем различии в понимании этой функции отдельными теоретиками сущность ее сво-

дится к выражению индивидуального мира говорящего. Язык выводится из потребности человека выразить себя, объективировать себя. Сущность языка в той или иной форме, тем или иным путем сводится к духовному творчеству индивидуума [4]. Выдвигались и выдвигаются и несколько иные вариации функций языка, но характерным остается если и не полное игнорирование, то недооценка коммуникативной функции языка. Язык рассматривался с точки зрения говорящего, как бы одного говорящего без необходимого отношения к другим участникам речевого общения. Если роль другого и учитывалась, то как роль слушателя, который только пассивно понимает говорящего.

Между тем всякое реальное целостное понимание активно ответно является не чем иным, как начальной подготовительной стадией ответа (в какой бы форме он ни осуществлялся). И сам говорящий установлен именно на такое активно ответное понимание: он ждет не пассивного понима-

ния, так сказать только дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т.д. (разные речевые жанры предполагают разные целевые установки, речевые замыслы говорящих или пишущих). Стремление сделать свою речь понятной – это только абстрактный момент конкретного и целостного речевого замысла говорящего. Более того, всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний – своих и чужих, с которыми его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю). Каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний. Поэтому традиционное понимание коммуникации в лингвистике значительно упрощено, когда активная роль другого в процессе речевого общения ослабляется до предела. Между тем именно коммуникативная функция языка наиболее важна для успешной реализации диалога в современном социокультурном пространстве.

Понятие языковой личности включает в себя достаточно широкие характеристики, определяющие степень эффективности коммуникационного процесса и позволяющие наиболее полно реализовать коммуникативную функцию языка. Статус носителя языка предполагает наличие в языковом сознании индивида некой совокупности черт, присущих и всем его носителям вместе, и исключительно данному субъекту, обладателю индивидуального потенциала в реализации речевой деятельности. Таким образом, мы подходим к понятию языковой личности как коллективному сознанию определенно-го лингвокультурного сообщества.

Ю.Н. Караулов указывает, что языковая личность предстает как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности, а с другой – по уровням языка ...» [2].

Важной составляющей языковой личности (человека говорящего) выступает, безусловно, его этнокультурная характеристика или национальная, если пользоваться терминологией Ю.Н. Караулова. Он пишет, что это некоторая доминанта, определяемая национально-культурными традициями

и господствующей в обществе идеологией, которая в свою очередь позволяет выделить в общеязыковой картине мира инвариантную часть. Выделение этой инвариантной части позволяет говорить о существовании некоего общенационального (этнокультурного) типа, детерминирующего принадлежность языковой личности к тому или иному лингвокультурному сообществу, и построении особого типа коммуникации между представителями различных типов.

Рассмотрим различные составляющие языковой личности, которая, с одной стороны, формирует культурно-коммуникативное пространство, а с другой, сама выступает как объект воздействия этой среды. Представители философской герменевтики в известной мере были правы, когда говорили, что далеко не всегда участники коммуникации могут предугадать результат своей беседы. То есть не мы управляем языком, а язык управляет нами. И немалая роль здесь принадлежит психоэмотивной составляющей. Различные ученые (Э.Л. Носенко, Э.А. Нушикян, Л.Ф. Маланова, Е.А. Харьковская) в разное время проводили эксперименты в области эмоциональной составляющей речи языковой личности. Приведем некоторые результаты и выводы по этим исследованиям. Так, Носенко и Нушикян свидетельствуют о том, что наличие психического фона обнаруживает языковую личность вне зависимости от ее возрастных и социальных характеристик. В интонационном выражении эмоций больше проявляется их универсальность, а не специфичность. Р. Ферман строит гипотезу, что все особенности характера человека имеют свои речевые корреляты. Громкая и звучная речь свидетельствует о витальности человека. Высокотональная и напряженная речь говорит о сильной воле ее обладателя. Интроверты, по мнению Харьковской, больше экстравертов склонны к паузации. Речь, абсолютно лишенная эмоциональной окраски, квалифицируется как речь больного человека. Даже молчание является коммуникативно значимым. Витгенштейн совершенно справедливо относит молчание к коммуникативной составляющей. Не случайно ряд поговорок в русском языке свидетельствует о значимости молчания: «Молчание – золото», «Молчание – знак согласия» и т.д. Мы можем сделать вывод, что речь аккумулирует в себе не только психологические, но и социальные свойства индивида. Психические проявления в речи адекватны речевой ситуации. Они определяют сиюминутное состояние индивида, а социальные характеристики выделяют индивида и его социальный статус из аморфной социальной среды.

Социальный аспект речевой деятельности ответственен за формирование индивидуального коммуникативного опыта. В качестве примера такого опыта можно привести наиболее расхожие примеры различий в речи горожан и сельчан, особенностей «дворянского» и «купеческого» произношения в русском языке, образованных и необразованных людей в любом языке. При этом следует отметить, что владение родным языком не может быть правильным или неправильным, оно, по мнению Н.А. Фоминой, может быть большим или меньшим. И речь, в данном случае, следует оценивать на уровне структуры языка, по типам речевой деятельности и по степени владения языком. С.С. Дашкова считает, что длинные предложения свойственно употреблять более интеллектуальным личностям, более замкнутым, принципиальным, напряженным, осмотрительным. Большое количество имен существительных в речи свидетельствует о носителе этой речи как человеке открытом, искреннем. Большой словарный набор характерен для экстравертов в большей степени, чем для интровертов. Нельзя не согласиться в данном случае с Э. Сепиром, называвшем язык путеводителем в социальной действительности. Структура и организация социальной действительности определяется характером взаимодействия базиса и надстройки общества. Язык является одним из рычагов формирования нации и последующего управления ею. Язык – это средство объединения нации и одновременно средство ее дифференциации на ряд социальных групп. Речевая деятельность индивида является производной социального поведения, его планом выражения. Речевое поведение выбирается языковой личностью в зависимости от ее принадлежности к определенной социальной группе, причем речевые возможности индивида трудно ограничить какими-либо рамками. Коммуникация – это не только контакт, но и столкновение индивидов, народов, сознаний [5]. Соответственно и диапазон коммуникации определяется от полного понимания до полного непонимания. И степень реализации эффективности того или иного коммуникативного контакта определяется во многом знанием социальных, возрастных, гендерных особенностей речевой деятельности коммуникантов.

Н.С. Трубецкой одним из первых обратил внимание на важность возрастных и гендерных особенностей индивидов. Он отмечает, что в случае, когда социальные различия выражены слабо, различия по полу и возрасту имеют решающее значение для общения [9]. В частности, в подтвержде-

ние своей гипотезы он приводит пример дифтонгизации звука [о] женщинами в ряде языков. Возрастной фактор ученый демонстрирует на примере того, как молодые люди, чтобы не походить на старшее поколение, зачастую не произносят те или иные звуки, как их произносят пожилые люди. По тембру речи, громкости, четкости артикуляции можно определить принадлежность ее носителя к молодежной возрастной группе или к более старшему поколению. Рядом ученых обнаружена косвенная зависимость качества голоса от физических характеристик его владельца. Чем больше тело, тем ниже голос, чем меньше рост, тем выше голос. Однако подчеркнем, что это лишь косвенная зависимость, и можно без труда подобрать примеры, ее опровергающие. А.В. Кирилина приводит наиболее взвешенные, на наш взгляд, идентификационные характеристики мужской и женской речи [3]:

- 1) для мужской речи характерно намеренное огрубление речи, употребление стилистически сниженной лексики;
- 2) для женщин характерно большое использование образных выражений;
- 3) женская речь обнаруживает много оценочно-эмоциональной лексики, мужская – терминологической;
- 4) в женской речи наблюдается частое использование междометий.

Следует признать, что гендерный фактор не является определяющим в идентификации языковой личности. Речевая неоднородность социума обусловлена не половыми признаками, а социальным положением и этнической принадлежностью.

Самобытность мышления и психики вне всяких сомнений проявляется в структуре национального языка и в речевом поведении его носителей. В качестве доказательства приведем известнейшее высказывание В. Гумбольдта по этому поводу: «Язык – это дух народа». Специфика национального речевого выражения ярче всего раскрывается в сопоставительном анализе идиоматических выражений, метафор и метонимий [8]. Самым коренным образом различаются у народов формы приветствия и прощания. В.Овчинников в своей известной книге «Ветка сакуры» отмечает, что японцы избегают таких слов и словосочетаний, как «не могу», «не хочу» и т.д. Встречаются случаи, когда слова разных языков оказываются понятийно и фоново эквивалентны, но употребление этих слов в соответствующих лингвокультурных средах существенно различаются. Наиболее показательным примером является перевод названий фильмов и книг с одного языка (английского, немецкого, французского) на другой (русский). К. Менерт упоминает

в этой связи о том, что невозможно адекватно перевести на английский и немецкий язык название повести В. Шукшина «Калина красная». Сложности обусловлены тем, что за названием растения стоят вполне определенные мифопоэтические и фольклорные традиции, близкие тем ассоциациям, которые вызывает у немца упоминание липы, а у американца – акации. Но название с употреблением слов «акация» или «липа» выглядит нелепым. Безусловно, языковой текст, базирующийся на языковой рефлексии носителя языка, с большой точностью способен определить интеллектуальный потенциал, этническую принадлежность и социальный статус его автора.

Сегодня многие авторы признают, что коммуникация как процесс передачи от адресанта к адресату определенного количества битов статичной информации, остающейся неизменной как на выходе, так и на входе, существует лишь в искусственных системах, но невозможна при реализации живого человеческого общения. Подобного рода точки зрения придерживаются М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.А. Леонтьев, Б.Д. Гудков и другие [1].

Для нас данная точка зрения представляется наиболее интересной, так как, с нашей позиции, коммуникация – это именно диалог, взаимодействие, по Бахтину, «говорящих сознаний» коммуникантов. Но для того, чтобы это взаимодействие было возможным, необходимо пересечение индивидуальных когнитивных пространств общающихся. Чем больше зона этого пересечения, тем адекватнее будет коммуникация. Индивидуальные когнитивные пространства никогда не могут полностью отличаться, всегда будут общие «зоны», но при этом они не могут и полностью совпадать, между ними всегда будут те или иные отличия, даже у самых близких людей, каждый из которых обладает собственными знаниями, представлениями, ценностями [7].

Общение возможно лишь в том случае, когда языковые пространства говорящего и слушающего пересекаются. В ситуации пересечения общение невозможно, а если языковое пространство коммуникантов совпадает полностью, то оно становится бессодержательным.

Таким образом, мы подошли к вопросу об особом «языковом мире», об особом членении мира через язык. Л.С. Выготский считает в этой связи, что человек и воспринимаемый им объект связаны не только напрямую, но и через посредника – артефакты культуры. Основной единицей опосредования при этом является слово, но слово не может быть словом этнического языка, именно язык является средством связи между дру-

гими знаковыми системами [6]. Следовательно, сознание оказывается опосредовано языком и находится от него прямой зависимости. То есть мы можем рассматривать язык как некий проводник между человеком и культурной реальностью, создаваемой же им самим. Язык – это живой организм, но у него нет души. Язык обслуживает общество, но в то же время он индифферентен к социальным проблемам. Однако далеко не равнодушно к языку общество, получившее в свое распоряжение материальное средство, позволяющее создавать как системные особенности национального (этнического) языка, так и его индивидуальные инварианты, поскольку язык находится в распоряжении каждого носителя.

Список литературы

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – С. 20.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Русский язык, 1987. – С. 29.
3. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: КомКнига, 1999. – С. 57.
4. Комадорова И.В., Кузнецова Е.В. Язык и культура: к вопросу о соотношении на этапе наступления информационной цивилизации // European Applied Sciences. – 2013 – № 5-2 – С. 109–113.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»; миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003. – С. 50–51.
6. Кузнецова Е.В. Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. – Серия Общество. История. Современность. – 2011 – № 3(98). – С. 104.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Слово, 1992. – С. 92.
8. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. – М.: Ком Книга, 2007. – С. 81.
9. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: АСТ, 2000. – С. 26.

References

1. Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication M.: Gnosis, 2003. pp. 20.
2. Karaulov U.N. Russian language and linguistic personality. Moscow: Russian language, 1987. pp. 29.
3. Kirilina A.V. Gender: linguistic aspects.-Moscow: Kom-Kniga, 1999, pp. 57.
4. Komadorova I., kuznetsova E. Language and culture: the question of the ratio of the information civilization // European Applied Sciences. 2013 no. 5-2 pp. 109–113.
5. Red V.V. «His» to «strangers»; myth or reality. M.: Gnosis, 2003. pp. 50–51.
6. Kuznetsova E.V. Language and national identity//of Omsk city scientific journal. A Series Of Society. Story. Modernity. 2011 no. 3 (98). pp. 104.
7. Lotman Y.M. Culture and explosion. M.: Word, 1992. pp. 92.
8. Naumov V. Linguistic identity. M.: Com book, 2007. pp. 81.
9. Troubetzkoy N. Fundamentals of phonology. M.: AST, 2000. pp. 26.

Рецензенты:

Каюмов А.Т., д.фил.н., профессор Набережночелнинского филиала НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ», г. Набережные Челны;

Сакаева Л.Р., д.фил.наук, профессор Набережночелнинского филиала НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ», г. Набережные Челны.

Работа поступила в редакцию 30.12.2013.